

Семантико-лексикографические наблюдения в связи с неофраземой *фермерское подворье* в современном русском языке

Языковые способы репрезентации концептуального содержания культуры воплощаются в единицах разного типа. Языковая концептуализация может осуществляться разнообразными путями и на базе различных единиц языка, однако наиболее прямо и непосредственно с номинирующей и прагматической квалификацией полученных знаний и оценки опыта связан его лексико-фразеологический уровень. Внутри же этого уровня существует размежевание основных функций у языковых единиц (относительное и некатегоричное): лексические единицы призваны прежде всего номинировать объекты и понятия, а у фразеологических единиц – более сложные функции, устраняющие пробелы в репрезентации национальных концептосфер. Как отмечают, вслед за В. Гумбольдтом, многие ученые, в том числе Н.Ф. Алефиренко, важная в коммуникативных дискурсах информация, связанная с чувственным осознанием ее сущности носителями языка, нуждается не только, а зачастую и не столько «в объективном и беспристрастном номинировании, сколько в экспрессивно-образном знакообозначении, передающем ценностно-смысловые отношения к ней субъекта познания, который может быть не только персональным, но и коллективным. Справиться с этой сложной коммуникативно-прагматической задачей знакам прямой номинации не по силам» [1: 222]. В этом случае языковое сознание мобилизует свои ассоциативные связи и находит новые средства репрезентации и прагматической аранжировки коммуникативно важного содержания. Этими факторами мы объясняем возникновение и актуализацию в русском языке новейшего времени устойчивых сочетаний слов, обладающих признаками фразеологизма, – такими, как устойчивость и частотность употребления в речи, воспроизводимость в неизменном виде структуры и содержания конструкции, цельность и метафоричность семантики сочетания с утратой автономного значения у отдельных словоформ-компонентов фразеологизированной языковой единицы.

Оставляя за пределами данного исследования вопрос о степени семантической слитности компонентов новых устойчивых словосочетаний, тем самым и вопрос о степени и завершенности процесса фразеологизации, обратимся к рассмотрению языковых механизмов этого процесса на материале новых устойчивых сочетаний номинативно-терминологического типа. Наше внимание привлекла тенденция номинировать новые реалии постсоветской России (производственные предприятия так называемого среднего и мелкого бизнеса, учреждения сферы обслуживания и сферы торговли, фирмы, мелкие и средние компании) конструкциями, состоящими более чем из одной словоформы, включающими в себя слова, возвращенные в активное употребление носителями русского языка новейшего (постсоветского) периода, по различным причинам находившиеся прежде в пассивном запасе словарного фонда (обозначаем их термином «реактивизированные»). Мы полагаем, что реактивизацию слов из пассивного лексикона также можно рассматривать

в аспекте проявления креативной деятельности носителей языка в процессе усвоения и закрепления в языковых структурах результатов когнитивной и результатов оценки приобретенных знаний и социального опыта.

Основными механизмами реактивизации слов для последующего использования в конструировании устойчивых словосочетаний их словоформ являются такие процессы, как изменение круга актуальных сочетаемостей на фоне значительной лексикализации деривационного значения и затухания внутренней формы у слов, ставших компонентами неофраземы, трансформация семантического объема смысловой структуры лексемы как совокупности ее лексико-семантических вариантов в сравнении с состоянием смысловой структуры этой же лексемы в предшествующие периоды развития языка. Для выявления этих процессов необходимо диахроническое наблюдение за семантической эволюцией смысловой структуры реактивизированных слов. Соглашаясь с замечанием В.К. Харченко, что «описание путей развития значений – это исследование процесса по его результатам» [2: 4], и не располагая более экономным и надежным способом наблюдения за эволюцией смысловой структуры лексем, процесс трансформации их смысловых структур мы пронаблюдали на материале современных и ставших историческими толковых словарей. Мы исходили из того, что несмотря на известные недостатки словарных толкований лексических значений слов, особенно в старых словарях, дефиниции толковых словарей остаются самым надежным источником информации о семантическом генезисе слова, поскольку именно словари отражают обобщенные сведения о значении и употреблении языковых единиц, систематизированные и обдуманые лексикографами разных поколений (т.е. специалистами в этой области).

В интересующем нас аспекте рассмотрим эволюцию словарных дефиниций реактивизированного слова *подворье*, поскольку в неофраземе *фермерское подворье* именно этот процесс стимулировал ее образование.

В русском языке новейшего времени слово *подворье* стало активно использоваться в составе номинативно-терминологических словосочетаний для обозначения самых разных реалий действительности, например, коттеджных развлекательных и туристических комплексов («*Чудское подворье*», «*Мышкино подворье*»), «*Гостевое подворье*», «*Путейное подворье*», «*Банное подворье*»), в онимах, маркирующих различные фирмы, усадьбы фермеров, магазины и другие торговые точки, частные мелкие и средние предприятия («*Алексеевское подворье*» – *изготовление мебели в национально-русском стиле*», «*Садовое подворье*» – *продажа семян, рассады и саженцев*», ООО «*Хлебное подворье*» – *производство и продажа панировочных сухарей*», «*Праздничное подворье*» – *изготовление и продажа праздничных и юбилейных тортов*», «*Веселое подворье*» – *накормим и развлечем*», наконец, просто *Фермерское подворье* – неофразема, зафиксированная в словаре ТСЯИ со значением «*о-*

зйство фермера»), а также в составе названий элитных коттеджных поселков с развитой инфраструктурой (*Николаевское подворье, Степановское подворье, Зеленое подворье, Подворье «Дубовая роща»*).

Итак, в середине XIX в. лексема *подворье* имела три лексико-семантических варианта: 1) «Дом, временное пристанище в городе для приезжих; гостиница; 2) «Дом в городе с церковью или часовней для временного пребывания епархиальных архиереев, или монашествующих лиц»; 3) «Дом со всем простором и ужожами купца, заводчика, для наезду, для стоянки своих обозов ...» (ЦС). В смысловой структуре каждой из трех семем, имеющих дифференциальные семы, можно выделить и интегральные семы, формирующие общий смысловой стержень лексемы, – архисемы «дом» и «для временного пребывания, остановки иногородних».

Во второй половине XIX в., как свидетельствует словарь В.И. Даля («второе издание, 1882 г., исправленное и значительно умноженное по рукописи автора»), у слова *подворье* сохраняется аналогичное значение, хотя оно сформулировано иным способом: «Заѣзжий, постоялый дворъ, въѣзжая изба, съ мѣстомъ для лошадей и возовъ; гостиница» и воспринимается как значение давнее, старое, что подтверждает пример в этой словарной статье: *Въ Москве много постоялыхъ дворовъ сохранили старое названье подворья*.

В словаре В.И. Даля представлено четыре употребления слова *подворье*, причем третье и четвертое подаются как областные: 1) «Домъ со всемъ просторомъ и ужожами купца, заводчика, для назѣду, для стоянки своихъ обозовъ, для складки товаровъ въ городе, у ярмарокъ, пристаней, на мѣстахъ валового сбыта. *Строгановское подворье*»; 2) «Обширный домъ съ ужожами митрополита, архиерея»; 3) с пометой *вост.* «Нанимаемая крестьянами, миромъ, изба для заѣзда своихъ, либо для содержания земскихъ лошадей, выставки, либо вообще, для отвода полиціи проѣзжимъ»; 4) с пометой *новг.* «Помѣщение или жилье, отдаваемое внаймъ» (Даль).

Обобщая вышеперечисленные дефиниции, можно сделать вывод, что в дореволюционный период слово *подворье* обозначало, во-первых, «постоялый двор для людей и их обозов», во-вторых, «дом с двором и пристройками для временного пребывания, остановки хозяина дома или его людей с обозами, товарами и пр.» и, в-третьих, «дом с постройками церковного назначения для временного пребывания церковнослужителей». Интегральными семемами, соответственно, являются «дом с двором, постройками хозяйственного назначения», «для временного пребывания», «для иногороднего приезжего».

В академическом четырехтомном словаре (МАС-2), отражающем лексику советского периода до 90-х гг. XX в., у лексем *подворье* фиксируются четыре лексико-семантических варианта – все они отнесены к пассивному запасу лексики как архаичные с ограниченной сферой употребления. Первые три значения определяются с пометой *устаревшее*: 1) «Постоялый двор», 2) «Городская церковь с общежитием для монахов, принадлежавшая монастырю, находившемуся в другой местности», 3) «Дом с пристройками, принадлежащий иногороднему лицу и предназначенный для временных остановок, хранения товаров и т.д.». Помета «устаревшее» указывает на ограничения времени функционирования семемы в языке и тем самым на

ограничение сферы употребления слова текстами исторического характера (оно использовалось в советское время для описания старого быта). Четвертое значение определено с пометой *областное*, при нем указано еще и отдельное употребление, возникшее путем метонимизации: *подворье-4 – «обл. Дом со всеми относящимися к нему пристройками и двором, усадьба (Сергей внес предложение – наделить приусадебными участками тех фронтовиков, у кого своего подворья не имелось и жить было негде (Бабаевский. «Кавалер золотой звезды») // Двор, прилегающий к дому с постройками» (В ворота вошла она – На подворье тишина (Пушкин. «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях»))*.

Реактивизация слова *подворье* после 1991 г. произошла в значении «небольшая территория с церковью, жилыми и подсобными строениями, принадлежащая церковным организациям или монастырю и находящаяся вдали от него. *Подворья русской православной церкви за рубежом*» (*подворье²* – ТСЯИ, ТСХХI), а в постсоветский период функционирования слово обрело еще одно значение в связи с появлением новых форм ведения сельского хозяйства и новых форм собственности в России: *подворье¹* – «личное крестьянское хозяйство, крестьянская усадьба как новая форма сельскохозяйственного производства. Ни одно образцовое подворье не сравнится с производительностью колхоза (Комс. правда, 30.11.90)» (ТСЯИ, ТСХХI).

В толковых словарях под ред. Г.Н. Скляревской (ТСЯИ и ТСХХI) эти значения поданы как значения разных слов (омонимов), в других же новейших словарях (например, в БТС) – как разные значения одного слова. На наш взгляд, последняя позиция в большей степени отражает закономерности и современное состояние семантического развития этого слова. Благодаря тому, что инновационные процессы в сельском хозяйстве происходили на базе крестьянских подворий, новейшее значение (в ТСЯИ и ТСХХI – это *подворье¹*) мотивируется семемой, указанной в МАС под номером четыре: *подворье-4 – «обл. Дом со всеми относящимися к нему пристройками и двором, усадьба», при котором зафиксировано и употребление «двор, прилегающий к дому с постройками»*. Это метонимический перенос в пределах внутрисловной деривации, при котором мотивированная семема сохранила главные, сигнификативные и денотативные семы мотивирующей семемы, в частности, сему-конструкт «усадьба», включающую в себя такие семы, как «дом», «сельский», «хозяйственные постройки», «двор», «угодья, земельный участок и пр.», «единое целое». Эти компоненты значения совмещаются с компонентами смысловой структуры семемы, представленной в словарях ТСЯИ и ТСХХI как *подворье-2 – «небольшая территория с церковью, жилыми и подсобными строениями, принадлежащая церковным организациям или монастырю и находящаяся вдали от него»*. Следовательно, полного смыслового разрыва между двумя современными значениями в лексеме *подворье* не произошло, эпидигматически они тесно связаны, и, на наш взгляд, отношений омонимичности у них пока нет. Высказанное нами суждение можно подкрепить и позицией Д.Н. Шмелева, согласно которой метафорические, метонимические ассоциации и перенос по функции обеспечивают наиболее устойчивое объединение значений в пределах одного слова [3: 91]. Новейшие номинативно-терминологические

устойчивые словосочетания типа *фермерское подворье* расширяют смысловую структуру этой же лексемы, а не ей омонимичной.

Резюмируя итоги семантико-лексикографического анализа слова *подворье* как компонента неологизма *фермерское подворье*, отметим следующее: древнее русское слово *подворье* активно функционировало в досоветский период, в советское время находилось в пассивном запасе и использовалось лишь для описания доэволюционного быта. Под влиянием инновационных процессов в постсоветской России появилась необходимость номинации нового вида сельскохозяйственной деятельности, и она была обеспечена реактивизацией, т.е. внутренним заимствованием из пассивного запаса в активный запас современного языка этого замечательного русского слова с ясной внутренней формой, образованного по традиционной и живой словообразовательной модели (сравн. *Подмосковье, подземелье, подполье, подножье*), имеющего устойчивую традицию своего функционирования, что подтверждает большое количество значений и употреблений слова, зафиксированных словарями. Основными процессами его эволюции являются такие: сужение смысловой структуры лексемы в советский период на фоне его архаизации и резкого ограничения сферы использования; затем в постсоветский период реактивизация слова в одном из своих неосновных значений и далее – неологизация в новейшем значении, на базе которого и возникают устойчивые фразеологиче-

ские словосочетания. Последний факт свидетельствует об актуализации новейшего значения слова и о возможной перспективе расширения семантического объема смысловой структуры слова *подворье*.

Библиографический список

1. *Алефиренко, Н.Ф.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Изд-во «Элпис», 2008. – 271 с.
2. *Харченко, В.К.* Переносные значения слова [Текст] / В.К. Харченко. Изд. 2. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 200 с.
3. *Шмелев, Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики [Текст] / Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1973. – 280 с.

Сокращения названий используемых в работе словарей:
 (Даль) – Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка / Том 3. – М.: Русский язык, 1980;
 (МАС-2) – Словарь русского языка: в 4-х томах / АН СССР. – М.: Русский язык, 1981-1984;
 (ТСЯИ) – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складчиковой, РАН, Инст. лингв. исслед. – СПб.: Изд-во «Фолио-Пресс», 1998;
 (ТСХХI) – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика; под ред. Г.Н. Складчиковой. – М.: Эксмо, 2006;
 (ЦС) – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук / В 4-х томах. – СПб.: В типографии Императорской Академии наук, 1847.

УДК 811.161.1'38

© Н.А. Туракина
(Белгород)

Метафорическая составляющая в современной женской прозе

Проблема женского творчества вызывает повышенный интерес в современном мире. Многие исследователи отмечают тот факт, что опыт выдающихся женщин вовсе не учтен и не оценен в культуре.

Женская литература – продуктивная, интересная и недостаточно исследованная область. Необходимо отметить, что еще совсем недавно произведения женщин – писателей второй половины XIX в. анализировались как отражение «женского вопроса», который подавлял «культурно-женскую» тематику.

Современная женская проза – это особый тонкий мир, в котором присутствует и мужское, и женское видение реалий действительности. Конечно, женскую литературу нельзя рассматривать изолированно от литературного контекста, от литературы мужской, так как это не исследования о женщинах для женщин, а потребность найти новые приемы, методы, методологию. Женская проза конца XX – начала XXI в. впитала лучшие традиции русской классической литературы и привнесла свое мировидение, свою жизненную позицию, свои идеалы. Художественные тексты исследованных нами авторов дают представление об образной модели мира женщин, пишущих свои произведения на русском языке, их взглядах на мир, семью, мужчину, любовь. Образы, созданные воображением писательниц, сверкают всеми гранями цвета, света и тени, тро-

пеических средств, каждый раз убеждая нас в высокой миссии женской литературы в обществе.

Язык произведений – это показатель авторской индивидуальности, а образные средства – это то, что нельзя позаимствовать у других, ибо они должны идти из сердца, души художника слова. Только сквозь призму изобразительно-выразительных средств можно постичь все богатство языка писателя, принципы отбора лексического материала для реализации творческих замыслов.

Метафора – центральная фигура в системе тропов, один из важнейших элементов художественной, поэтической речи, одно из главных средств в механизме поэтического воздействия. Основа метафоры – семантический сдвиг, преобразование, трансформация значения слова, в чем находит свое выражение высшая степень проявления художественных свойств слова, его смысловая емкость и гибкость, многоплановость, способность воплощать различные художественные идеи. Появление нового метафорического значения в слове ведет к расширению его смысловой структуры, усложнению отношений внутри него, в результате метафоризации происходят семантические смещения в структуре слова, обнажаются скрытые семантические возможности, неожиданные понятийные или коннотативные элементы.